

Нитку завязать узлом, ножницами - чик. Чжоу Сяолэ бросил ткань обратно в корзинку для шитья и, придерживаясь принципа «заработал деньги - значит, надо тратить», решил покупать готовую одежду. Шить одежду он не умел, но немного подправить длину - с этим проблем не было.

Чжоу Сяолэ поднялся и сладко потянулся. Сюй Гуань ушёл к окраине гор, сказал, что хочет поймать несколько диких кур, чтобы завтра продать. Неизвестно, добыл ли что-нибудь. Он уже давно не заходил глубоко в горы за средней дичью. Чжоу Сяолэ прикинул, что через пару дней Сюй Гуань, наверное, всё равно отправится в горы, так что лучше за эти дни испечь ему побольше лепёшек, чтобы было что взять с собой.

— Ся-гэр, останешься поесть? — спросил Чжоу Сяолэ.

Чжоу Чуся сосредоточенно дописал последний штрих и только потом поднял голову с улыбкой:

— Нет, мама велела мне вернуться домой к ужину.

Он протянул Чжоу Сяолэ исписанный лист. Теперь они вдвоём уже немного зарабатывали, и грубой бумаги купили немало как раз для того, чтобы Чжоу Чуся упражнялся в письме. В самом начале, когда он учился писать, он не мог удержать руку и выводил иероглифы огромными, но потом ему стало по-настоящему жалко бумаги, и он потратил немало усилий, чтобы научиться писать мельче. Позже его почерк стал округлым и изящным, и на одном листе уже помещалось множество маленьких иероглифов.

— Неплохо, неплохо. Вечером ещё раз повтори. Если умеешь написать, запомнил и можешь узнать - значит, считай, выучил.

— Я каждый вечер перед сном проговариваю про себя! — Чжоу Чуся бережно сложил лист. Если перед сном что-то не вспомнится, можно будет достать и посмотреть.

— Только не засиживайся допоздна.

В чтении и письме у Чжоу Сяолэ, честно говоря, никогда не было особого таланта. Если бы в своё время ему не пришлось разбираться в поваренных книгах, он бы и письмом не стал заниматься. Его мастер собрал множество редких, особых рецептов; большинство из них передавались из поколения в поколение, и внутри попадалось немало трудных, тёмных мест. Чтобы понять эти рецепты, Чжоу Сяолэ тогда не одну ночь просидел без сна. Так что в прежней жизни стёкла в его очках были совсем не тонкими. Когда он готовил фэнь, очки приходилось протирать даже чаще, чем пот.

— Не волнуйся, не волнуйся, — Чжоу Чуся и сам не смел засиживаться слишком поздно, ведь масло для лампы стоило дорого. — Я пойду. Завтра утром принести тебе лепёшек? Мама сказала, сегодня вечером будет их печь.

— Не надо приносить, я сегодня тоже буду делать. Сюй Гуань, возможно, пойдёт в горы, я заранее ему приготовлю.

Чжоу Чуся с сомнением спросил:

— Брат Сюй Гуань в горы? Разве он сегодня уже не ходил?

— Сегодня он только на окраине гор поймал несколько диких кур. А если идти в горы по-настоящему, придётся заходить глубже; может, вернётся только через два-три дня.

Чжоу Сяолэ подумал и вдруг понял: с тех пор как он и Сюй Гуань обручились, а потом поженились, кажется, он больше ни разу не видел, чтобы тот уходил в глубокие горы. Если задуматься, причина, по которой Сюй Гуань не ходил в горы, по большей части была в том, что он всё время помогал ему: тянул тележку в город, помогал присматривать за делами у лотка с чанфэнем, водил людей в горы рубить дерево для навеса.

Перед свадьбой и после неё времени на горы тем более не оставалось. А совсем недавно они ещё вместе ездили в префектурный город. Стоило Чжоу Сяолэ попросить и, занят он или нет, Сюй Гуань всё равно соглашался. А порой Чжоу Сяолэ даже не нужно было просить: то, что Сюй Гуань мог сделать, он сам делал заранее.

Чжоу Сяолэ подумал: «...Вот он, несомненно, и есть причина, по которой я в последнее время так обленился».

После того как Чжоу Чуся ушёл, Чжоу Сяолэ отправился на кухню жарить лепёшки. На ужин, кроме лепёшек, он собирался ещё поджарить тарелку квашеных овощей с рубленным мясом, чтобы есть вместе с ними. Эти квашеные овощи ему тоже принесла Цинь Сань-нян уже готовыми. Кислинка у них была очень насыщенной, к каше подходили лучше некуда.

Лепёшки только успели поджариться, как со двора донеслось несколько куриных криков. Должно быть, вернулся Сюй Гуань. Чжоу Сяолэ переложил лепёшки на тарелку и уже собирался вынести их, когда Сюй Гуань вошёл сам.

— Я как раз хотел выйти, — сказал Чжоу Сяолэ и, опустив глаза, увидел, что Сюй Гуань ещё держит в руках полвязанки хвороста. — Ты ещё и дров нарубил?

Сюй Гуань бросил хворост к поленнице перед очагом, сел и помог Чжоу Сяолэ присмотреть за огнём.

— Когда искал дорогу, рубил понемногу по пути. Возвращаясь, просто подобрал. Сил почти не потратил.

На одежде Сюй Гуаня ещё застряло несколько сухих листьев. Чжоу Сяолэ снял их и небрежно

бросил в очаг.

— Хочешь сначала помыться? У меня осталось последнее блюдо. Горячая вода уже готова, как раз вымоешься, и можно будет есть.

— Хорошо.

Сюй Гуань встал, взял деревянное ведро и вошёл зачерпнуть воды для купания, а Чжоу Сяолэ тем временем закончил готовить последнее блюдо.

Вечером ели просто: лепёшек было вдоволь, к ним тарелка квашеных овощей с мясом и ещё порция супа с зеленью. Зелень сорвали с огорода на заднем дворе у Чжоу Цинцин. После того как Чжоу Сяолэ переехал, перед тем как выйти с лотком, он каждый день заходил носить воду. Здоровье Чжоу Цинцин стало куда лучше прежнего, но ей всё ещё нельзя было слишком утомляться. Поэтому тяжёлую работу вроде переноски воды и рубки дров Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань делали каждое утро или уже после того, как возвращались, свернув лоток.

Чжоу Сяолэ вынес блюда во двор, поставил их на каменный стол, разложил чашки и палочки, но Сюй Гуань всё ещё не выходил. Тогда он сначала пошёл на задний двор посмотреть на диких кур. На этот раз Сюй Гуань принёс пять штук. Непонятно, как он их поймал: тушки были целые, без заметных ран, и завтра за них, должно быть, удастся выручить хорошую цену.

Чжоу Сяолэ принёс немного воды и налил в деревянную кормушку. Клетка была не слишком большой, и пять диких кур набились в неё вплотную.

Сюй Гуань вымылся и заодно помыл голову. С полотенцем в руках он пришёл на задний двор искать Чжоу Сяолэ и, как и ожидалось, увидел: тот сидит на корточках перед куриной клеткой и смотрит, как дикие куры пьют воду.

— На ночь кормить их не нужно. Завтра утром я вместе с вами поеду в городок и продам их.

Чжоу Сяолэ поднял голову и улыбнулся:

— Хорошо. А сейчас пойдём ужинать.

После полудня Сюй Гуань ходил на охоту, прошёл немало дорог и давно уже проголодался так, что сил не было. Он взял лепёшку и первым делом откусил кусок. Когда Чжоу Сяолэ жарил лепёшки, он никогда не скупился на масло, поэтому поверхность была поджарена до хрустящей золотистости; один укус - и в груди сразу разливалось полное довольство.

Боясь, что Сюй Гуань подавится сухой лепёшкой, Чжоу Сяолэ налил ему супа и протянул. Сюй Гуань взял, сделал глоток, и голод в животе наконец немного унялся.

Чжоу Сяолэ положил овощи в лепёшку и спросил:

— Через несколько дней ты собираешься идти в горы?

Сюй Гуань сказал:

— Да. Через пару дней пойду.

— ...А если я попрошу тебя в эти дни ходить со мной торговать у лотка?

Рука Сюй Гуаня остановилась.

— Тогда... тогда хорошо. Тогда я пока не пойду в горы.

Чжоу Сяолэ в душе вздохнул. Если бы он относился к Сюй Гуаню просто как к удобному помощнику, то такой послушный помощник и впрямь был бы хорошим помощником. Но для него Сюй Гуань не был кем-то неважным. Только насколько важным - об этом он глубоко не думал.

В выражении Сюй Гуаня появилось лёгкое беспокойство, и он спросил:

— Лэ-гэр... ты рассердился?

— А? — Чжоу Сяолэ растерялся. — Почему ты решил, что я рассердился?

— Потому что ты замолчал.

И почему в его голосе будто даже слышалась капля обиды?

— ...Я молчал потому, что не сразу понял, как сказать, — произнёс Чжоу Сяолэ. — Я не сержусь. Если я рассержусь, я прямо скажу тебе, что рассердился, потом побью тебя, не дам тебе ужинать и заставлю голодать несколько раз...

К концу он уже откровенно нёс всякую чепуху.

Сердце Сюй Гуаня сразу отпустило.

— Если я рассержу Лэ-гэра, можешь бить меня сколько угодно раз.

Чжоу Сяолэ развеселился:

— Хорошо. В какой-нибудь день, если я тебя побью, значит, я рассердился.

Разговор вернулся к прежней теме. Чжоу Сяолэ снова спросил:

— Когда ты собираешься идти в горы?

Сюй Гуань сказал:

— Изначально думал через два дня. Только инструменты ещё нужно немного наточить. Самое позднее - через три дня.

— Тогда ладно, я сделаю лепёшек, возьмёшь с собой поесть, — сказал Чжоу Сяолэ. — На сколько дней пойдёшь?

— Если недолго - на два дня, если дольше - на пять.

Прежде, когда Сюй Гуань был один, он чаще всего уходил на семь дней. Только теперь дома был Чжоу Сяолэ, и стоило ему подумать, что придётся провести в горах семь дней, как он уже чувствовал, что не сможет там усидеть. Лучше просто сократить время. Сейчас всё равно был не самый удачный сезон для охоты; по-настоящему хорошо станет осенью, когда перед началом зимы звери начнут нагуливать жир и запастись кормом на холодное время. Тогда добычи будет много, а если повезёт, можно будет и лису поймать. Лисья шкура приносила больше всего денег: за одну целую шкуру можно было выручить двадцать лян. Правда, он и сам не знал, много ли в этих глубоких горах лис. Если удастся добыть несколько, может, получится сшить Чжоу Сяолэ накидку.

Огненно-рыжий лисий мех наверняка пришёлся бы ему очень к лицу.

— Тогда я приготовлю побольше. Я думал, ты пойдёшь уже в эти два дня, поэтому только что нажарил немало лепёшек. Раз теперь это через два-три дня, завтра съездим в городок, и я куплю тебе ещё чего-нибудь в дорогу.

Чжоу Сяолэ всё решил, и Сюй Гуань возражать не стал. Когда ужин закончился, Чжоу Сяолэ набрал воды, чтобы вымыться, а Сюй Гуань убрал миски и палочки и понёс их мыть.

Летом ночь опускалась медленно. Когда Чжоу Сяолэ, вымывшись, вышел наружу, небо только наполовину потемнело; во дворе ещё можно было различить очертания, а вот в комнате уже стояла сплошная чернота.

Сюй Гуань вышел закрыть ворота и задвинуть засов. Вернувшись, он увидел, что Чжоу Сяолэ

стоит во дворе и, подняв голову, смотрит вверх. Он тоже поднял глаза и только тогда понял: сегодня, кажется, первое число месяца.

Тонкий-тонкий серп луны висел у края неба - одинокая полоска света.

Сюй Гуань смотрел недолго и первым вошёл в комнату:

— Я зажгу лампу. Лэ-гэр, зайди чуть позже.

— Хорошо.

Сказал «хорошо», но едва ответив, Чжоу Сяолэ всё равно вошёл следом. В комнате было темно до полной черноты, глаза никак не могли привыкнуть. Лишь когда Сюй Гуань зажжёт лампу, Чжоу Сяолэ разглядел дорогу перед собой. Он увидел: в одной руке Сюй Гуань держит лампу, а в другой - кусок ткани. Когда Чжоу Сяолэ привык к свету, он вдруг понял: разве это не та самая ткань, которую он днём пытался шить?

Изначально этот кусок был выкроен для верхней одежды, но Чжоу Сяолэ не сумел сшить его как следует, и потом он был переделан в штаны.

Переделав, он обнаружил, что для штанов длины не хватает, и переделал в подкладку.

Но и для подкладки вышло не то. В конце концов остался лишь этот кусок ткани - уже непонятно что. Можно было считать, что он просто упражнялся.

Теперь Сюй Гуань держал этот лоскут в руках и рассматривал, переворачивая туда-сюда. Судя по выражению его лица, он будто пытался угадать, чем эта вещь должна была быть.

Чжоу Сяолэ только теперь запоздало почувствовал неловкость и, прикрываясь, сказал:

— Не смотри. Это просто кусок ткани... не одежда, не штаны, не подкладка, вообще ничто...

Хотя Сюй Гуань прятал это очень хорошо, Чжоу Сяолэ всё равно услышал в его голосе улыбку. Тот подумал немного и сказал:

— Я тоже не умею чинить одежду. Мы одинаковые, Лэ-гэр, не бери в голову. В будущем одежду всё-таки будем отдавать тем, кто умеет.

— Мм.

Сюй Гуань убрал корзинку с шитьём в шкаф, явно собираясь больше не давать ей увидеть свет

дня.

Чжоу Сяолэ не любил шить и чинить, и ему вовсе не нужно было заставлять себя учиться ради таких вещей. В крайнем случае Сюй Гуань будет больше охотиться и зарабатывать, а потом найдёт кого-нибудь, кто умеет шить. В деревне большинство людей это умело, так что найти человека будет нетрудно.

Утром они встали, как обычно, подготовили всё необходимое, затем потянули тележку к деревенскому входу ждать Чжоу Чуся и троих работников, чтобы вместе отправиться в городок.

Добравшись до городка, Сюй Гуань сначала доставил людей к лотку, потом свернул на север городка, к мясной лавке, чтобы продать диких кур. Хозяин мясной лавки уже давно не получал от Сюй Гуаня добычи и даже думал, что эта торговля закончилась. Поэтому сегодня, увидев, что Сюй Гуань принёс пять диких кур, он был в весьма хорошем настроении.

В последнее время нескольким господам захотелось полакомиться дичью. Пять диких кур - добыча не самая дорогая, но всё же годилась, чтобы утолить охоту до дикого мяса.

— Охотник Сюй, давно вы не приходили, — сказал хозяин мясной лавки, взвесив диких кур. — Что, радость какая случилась?

Сюй Гуань сказал:

— Месяц назад женился. Дел было довольно много, так что охоту пришлось пока отложить.

— О? Охотник Сюй женился? Поздравляю, поздравляю!

Хозяин мясной лавки прежде ещё думал познакомить его с дочерью своего приятеля. Он ещё не успел заговорить об этом, а в итоге кто бы мог подумать: не виделись какое-то время, и Сюй Гуань уже женился.

Хозяин мясной лавки порадовался, что у него только мелькнула эта мысль и он ни с кем не успел её обсудить. Иначе в конце наверняка вышло бы: из добрых побуждений натворил дурного.

— Благодарю хозяина, — сказал Сюй Гуань.

Он достал из-за пазухи свёрток со свадебными сладостями и протянул ему. Это Чжоу Сяолэ приготовил утром: услышав, что Сюй Гуань часто сотрудничает с хозяином мясной лавки, он тут же сунул ему с собой пакетик свадебных конфет. Сюй Гуань и сам не знал, когда Чжоу Сяолэ купил эти сладости. На вид они будто были из тех, что он видел в префектурном городе.

Хозяин мясной лавки сказал:

— Ай-я, желаю вам дожить вместе до седых волос и поскорее обзавестись детками!

Сюй Гуань слегка улыбнулся:

— Спасибо. Так и будет.

<http://bllate.org/book/17639/1887433>